

ОТДѢЛЪ V.

С М Ъ С Ъ.

Особенности языка олонечныхъ былинъ, сказанныхъ И. Т. Рябиннымъ.

Олонечкія быliny въ сказѣ И. Т. Рябинна мнѣ случилось прослужать два раза 8 января въ засѣданіи И. Р. Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи¹⁾ и 15 числа того-же мѣсяца въ Спб. 7-ой гимназіи.

Иванъ Трофимовичъ Рябининъ, крестьянинъ деревни Горницы, Олонечкаго уѣзда, Олонечкой губерніи, сынъ известнаго былиннаго пѣвца, отъ котораго въ 1871 году записалъ 23 быliny покойный Гильфердингъ и издалъ въ своемъ сборникѣ «Онежскихъ былинъ». Низкаго роста, не плечистый, но крѣпкій и бодрый на видъ, безъ сѣдины, онъ выглядитъ моложе своихъ 49 лѣтъ; съ непривычнымъ положеніемъ среди «господъ» онъ освоился довольно скоро, такъ что во второй разъ я не замѣтилъ той застѣнчивости, какая была въ немъ въ собраніи Географическаго Общества. Рябининъ живетъ крестьянскимъ хозяйствомъ, продаетъ сѣно, отчасти хлѣбъ, а больше дрова въ Петрозаводскѣ; въ Петербургѣ онъ прежде никогда не бывалъ. Онъ совершенно неграмотный; былинами и духовными стихами научился отъ своего отца съ голоса и, по словамъ г. Виноградова, преподавателя мѣстной гимназіи, привезшаго его въ Петербургъ, знаетъ болѣе 6,000 стиховъ. Голосъ у него сильный, чище и пріятнѣе, чѣмъ у крестьянина Касьянова, сказывавшаго быliny въ Обществѣ въ прошломъ году, и, какъ вообще у олончанъ, протяжный, вслѣдствіе чего является какая-то неясность, неотчетливость, открытость гласныхъ звуковъ въ слогахъ безъ ударенія, почти исключительно въ предшествующихъ ударяемому слогу и весьма рѣдко въ слѣдующихъ за нимъ. Мнѣ слышалось *а* вмѣсто *о*, *я* вмѣсто *е*, *и* вм. *е*, однако далеко не такъ ясно, какъ оно замѣчается въ южно-великорусскихъ говорахъ, въ слѣдующихъ случаяхъ.

Открытое, близкое къ *а*, было *о* въ словахъ: *халодной, дасадунку, пѣдешъ, ка* городу, *супративникъ, падходель, малотцѣвъ, саловая, варенья, падорожные, пасылае, намакивати, малодой, краволитія, повада, пабьешъ, ва* свой, *рабѣночка, ка* тому *ка* двору, *драгацѣнную, сабѣ* (=собѣ), *изъ* каей орде и рѣже за ударяемымъ слогомъ: на *сыру* *ваду*, въ *борѣздачки, ва* синѣ *маре, королѣвскій* сынъ, *царь небѣснай*.

Звукъ *я* вмѣсто *е* передъ ударяемымъ слогомъ находился въ словахъ: *улятали, нядавно, ня* вѣданте, *кляновая, заяжжали, своаго, изъ* тямной орде, на *нято, волявода, лявонидова, сягодня, ня* знаю, *бязъ* года (послѣднія три слова я слышалъ въ разговорѣ съ Рябиннымъ), *япо, и* послѣ шипящихъ: *чаловѣческымъ, ничаго, ай жа, шалковуку;* за ударяемымъ слогомъ: *вечара, провожая* (=провожаетъ), *могочія* люди, (вм. *могочіе*), *широкіяхъ* (=широкіехъ), *кабацкія* (годи), *столовыхъ, золочѣныя, разудалыхъ, перелетныхъ.*

¹⁾ Мы воспользовались и замѣтками г. Тупикова и другихъ, отмѣчавшихъ вмѣстѣ съ нами особенности произношенія Рябинна въ этомъ засѣданіи Отдѣленія.

На мѣстѣ *е* безъ ударенія употреблено было *и* въ словахъ: Бирезова, бирѣтъ, *мня* (=меня), матирѣтъ и удалынькой, отечиству.

Такъ какъ звукъ *а* вмѣсто неударяемаго *о* и звукъ *я* вмѣсто—*е* произносились не слишкомъ ясно и въ большемъ числѣ словъ вовсе отсутствовали, то считаю эту особенность узко-мѣстною, являющеюся подъ влияніемъ сильнаго проназонашенія ударяемаго слога; по крайней мѣрѣ, ни въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, ни во многихъ другихъ изданныхъ сѣверно-великорусскихъ народныхъ памятникахъ, этой черты не замѣчается, исключая скудныхъ слѣдовъ: пѣлигримища (на Пудогѣ) Онежск. былины, Гильфердинга 1873 г., стр. 763; караблика, карабъ (Кенозеро и Моша), тамъ же, стр. 1132, 1133; хлѣбецъ аржаной (Пинежск., Холмск., Шенкур. у., Архангельск. губ.), Матеріалы по этногр. рус. нас. Арханг. губ., собран. Ефименкомъ, въ трудахъ Этн. Общ. Люб. Евр., Антроп. и Этногр., кн. V, вл. II, 1878 г., стр. 247; отъ обѣдни воскресенскія, тамъ же, 18; до тое березоньки кудравыя, тамъ же, 27; весны красныя (род. ед.), здѣся (Мезень), тамъ же, стр. 52, 80; безъ казани *вм.* казени=казани (Онега). Пѣсни, Кирѣвскаго, ч. III, стр. 62, изъ тѣхъ норы (Олоонецъ) тамъ же, ч. II, стр. 27; каровашка при коровашка (Холмогор.) Словарь Арханг. нарѣчія, Подвысоцкаго, стр. 63; краваточку (Новгор.) Причитанія сѣв. края, Барсова, ч. I, стр. 143, до лавочки торговыя (Олоонецъ), тамъ же стр. 7; до церкви соборныя, отъ умныя, кротыя, Пермскій сборникъ, ч. I, отд. II, стр. 68, часала, тамъ же, стр. 46; краватушкѣ, тамъ же, 37 (сравни. отъ сестрицы, тамъ же, ч. II, стр. 141, сестрица, ч. I, 66, колячка, 21, тѣстюшко, тамъ же, ч. II, 141, тѣст—ѣтъ, 151); у Колосова, Забѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣчія (Прил. къ XXVIII т. Зап. Акад. II.) записано въ Олон. губ., Каргож. уѣздѣ: кучарь, чаямъ, видяли (стр. 41); въ Вятск. губ. палтора (Ноллинскій уѣздъ), саводни (Вятск. у.), серядъ 46, (Ноллинск. у.); мѣнѣ рѣдко встрѣчается *и* *вм.* *е*: *мня*, Матеріалы, Ефименко, кн. V, вып. II, стр. 271; бисѣдкѣ, тамъ же, 271; *мня* Пѣсни, Кирѣвскій, I, стр. 54, 86; очинь, тибѣ, сибѣ Пермск. сборн. ч. II сказки, стр. 120, 121, 124. Сверхъ того, см. Очеркъ русской диалектологии Проф. А. И. Соболевскаго «Живая Старина» 1892 г. Вып. II, стр. 14, 16 и слѣд.

Почти постоянно замѣнялъ Рябининъ посредствомъ *е* звукъ *я* и *а* (послѣ шипящихъ), какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ ударенія: оставляетъ, медвеной, премѣжжочей, поленицъ, Светославговицъ, Карачерова, на пету, петьсотъ, петьдесятъ, моя государыне, повытрехнуть, Селениновичъ, нисто; въ глаголахъ обыкновенно *се* вмѣсто *ся*: померитесе, насмѣхаесье, погибалисе, застоалисе, отламилисе.

Звукъ *и* на мѣстѣ *ъ* попадаетъ такъ рѣдко, что, напримѣръ, во второй разъ я не слыхалъ его ни въ одномъ словѣ; въ первый же, насколько отмѣтилъ, онъ находился въ словахъ: на святи, сверцаия, Богъ тоби помочь, и иногда въ окончаніи: въ бороздачкѣ, въ поли (стар.-рус. поли), чимъ (стар.-рус. чимь), а во всѣхъ прочихъ словахъ съ *ъ* слышалось ясное *е*: звѣри, выбыгали, обмудушку, цвѣточки, въдаешь, ѣствушки, смѣты нѣтъ, насмѣхаесье, совѣтъ, мѣстечко, ѣдешь, ѣхали, лѣса, рѣкой, рѣчи, орѣховецъ, стрѣляешь, стрѣлочекъ, рѣзвы, съна (въ разговорѣ), всѣхъ, чѣлованіе, чѣлой.

Довольно распространенною чертою являлось *е* *вм.* *и* и подъ удареніемъ и безъ ударенія: мелосливой, причетаеъ, на почестенъ перъ, тетевочке, Елья Ивановечъ, Кеѣвъ, обирале кресты, померитесе, меру, чадо мелое, понеже всѣхъ, селушке, мужечки, ходель, веходель (=выходилъ), саделись, разлевати, мекетынецъ, мелость, скачель, ребуше (=рибушке *вм.* рыбушки), скдавалъ одежечю, бежегъ, спустеть, базка (=базика значить насмѣшникъ); вмѣсто Владимиръ постоянно употреблялось Владѣмеръ, съ твердымъ *дѣ*, близкимъ къ *ды*, что отмѣчено было и самимъ Гильфердингомъ въ говорѣ Рябинина-отца.

Расширеніе *е* въ *ѣ* замѣчено мною въ словахъ: чисто полѣ, чадо милоѣ, пированіѣ, амѣношокъ, моѣй, коѣй, соловоеѣй, попухиваѣ, поскриповаѣ, почирываѣ, третьѣво дни (въ разговорѣ), булатнѣго, всё, берѣзы, въ трѣхъ (въ разговорѣ), орѣтъ. бепѣтъ ёго. вѣлашь.

полѣтъ, тѣсть, по учёному, учёные, грошовъ, ай жо, перыщо, чѣрнымъ, горынищѣ, тежолые, малотцовъ, близёхонько, дитѣ опальное, даже одѣлъ (=одѣлъ) одежду; въ рѣдкихъ случаяхъ ё остается безъ измѣненія: пѣстрой, отстѣгивалъ, пристѣгивалъ.

Замѣна ударяемаго *а* посредствомъ *о* представилась намъ въ словахъ: плочь вм. плачь, плочьте, оратюшка, остова-ко (=оставь-ко), а также—безъ ударенія—остовлѣеть, произдогали.

Какъ весьма любопытную особенность слѣдуетъ замѣтить *о* на мѣстѣ у: могочіе люди, междо, въ Почай рѣкѣ, Моромля, тамъ-же Муромля, року (руку), Исоса (=Исуса), въ Исосо, по меро (=міру), модросей, на дорогой день, шобку (=шубку) по Кѣёво, гору золотое, хоть огнемъ пожго (пожгу), распостить, голову сроблю, дружинишку хоробрю; вмѣсто ѣствушка разъ было произнесено ѣствешкой; вспомнилъ матушко.

Колосовъ въ «Обзорѣ звук. и форм. особенностей нар. р. яз.», стр. 100, 101 приводитъ нѣсколько случаевъ постановки *о* вм. у (чаще въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ); впрочемъ только немногіе кажутся заслуживающими вниманія: ожготить (при ожгутить) Вологодск.; окротѣ (Олон. губ., Гильф., 246); переходю (вин. ед. ж., тамъ же, 234); достоплю (Влад.), конью (вм. кунью, Рязанск.).

Слово кустъ, показалось мнѣ, выговаривалось какъ кѹстъ, а Богъ — какъ Вѹтъ, въ духовномъ стихѣ на Вознесеніе—Бѹгъ мелосливой.

Вмѣсто дородній въ записанныхъ Гильфердингомъ былинахъ, И. Т. Рябининъ говорилъ дуродней, и на бѣлѣ нучи (вм. нощ).

Подобную черту въ Вятскомъ говорѣ подмѣтилъ Даль (0 нарѣчіяхъ, стр. 27): онъ говоритъ, что вятское *о* произносится мѣстами какъ *уо* или *уы*: ничевуо, собуоуля. Но Колосовъ считаетъ это обманомъ слуха и объясняетъ мѣстною склонностью къ растяженію, или, какъ онъ называетъ ее—долготою (Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи сѣверно-великор. края, стр. 64—65).

Въ нѣкоторыхъ словахъ *е* было не умягчительнымъ звукомъ, какъ обыкновенно, а твердымъ: скорѣшенько, дѣнь, золотѣи рѣчи.

Кромѣ выше указаннаго Владѣмеръ, въ которомъ *э* звучитъ близко къ *ы*, подобный звукъ встрѣтился въ словѣ дѣмъ вмѣсто дымъ: на дѣмъ спущю; наконецъ слово громъ было сказано какъ грѣмъ.

Въ употребленіи согласныхъ звуковъ наиболѣе замѣтною чертою является известная постановка *ч* на мѣсто *щ* и наоборотъ, впрочемъ далеко не послѣдовательно слышавшаяся: *ч* вмѣсто *щ*: чѣлованіе, чѣловаль, чѣлой, крестьяновечъ, паличе, косичею, черквахъ, молодечъ, птичу, одежищу, серчо; но правильно: лищу, чарь, чаревничи, полиница, пьяницы, крыльцо, перыщо, кабацкѣи, орѣховецъ, раздольнѣе, портомойницѣ, Микиткинецъ, старѣе.

Цч вмѣсто *ч* рѣже: Святославговицъ, плещя, тетевощка, щемъ; но правильно: чадо, плочь, обученъ, чѣрнымъ чѣрно, чаловѣческымъ, времечко, кричить, золоченые, могочѣихъ, хочется, ученье, покончилась, получкою, вечера, жирбчиномъ, выволочу, чисто, Пучай, далече, ничаго, греческой, манишечкой, рубашечки, черезъ, нлещицку Забаву дочь Путятичу, отечиству, Петровица, почестенъ, плечко.

Звуки *ч*, *щ* и *ж*, даже двойное *жж* выговаривались мягко: птичу, кричитъ, вечера, отця-матери, лищу, по раздольнѣю, одежищу, питьищѣи, пьяницы, плещя куплютица, похаживаль, поваживаль, жирбчиномъ, прѣжжжяль, зажжжяль, подъяжжжяль, ѣжжживаль; впрочемъ слово лежитъ отмѣчено у меня съ твердымъ *ж*: лежжжяль.

Звукъ *жд* находился въ словахъ: рождѣляти при роздѣляти, мѣждо и проклаждѣсье. Твердо пропозисилось *щ*: що, ащо, но всетаки не какъ два твердыхъ *ш*, которые замѣтны были въ словѣ вышше (того); мягче было *ш*: пороспушчени, снушю, деревеншцины.

Въ словѣ прямоѣжая на мѣстѣ *жж* стояло *жч* (*ч* твердое)—прямоѣжчосей.

Мягкое *к* случилось подмѣнить въ словѣ тетевощку.

Вмѣсто что и чтобы выговаривалось што и штобы.

Слова *миллохъ* (=миллохъ) и *милыгой* (=милыгой) имѣли *ш* вмѣстѣ *ш*.

Опущено было *с* передъ *тр* послѣ *ѳ*: подтѣлѣть, а потомъ въ словахъ: кресьяннѣ, кресьянствовать, мелосливъ, есь; што есь людей.

Мягко звучало *р* въ *ребушке* (им. рибушке), *Добринюшко*, далѣе *перъвой*, *сахарный*, *богатырьскаго*.

Звукъ *з* произносился безъ придыханія одинаково—въ началѣ, серединѣ и окончѣ словъ: говорѣлъ, городъ, господъ, грошовъ, другой, ду-друга, могочіе, не могутъ, Вольга Святославговичъ, Богословіе, Богъ; въ окончаніи род. ед. также всегда *з* безъ придыханія и не *с*: его, одинаго, богатырьскаго, булатнѣго, литовскаго.

Изъ особенностей въ формахъ словъ болѣе выдаются слѣдующія:

1. Въ мѣстоименіяхъ: имен. ед. 3 л. постоянно употребляется *ѣнъ*, им. мн. *они* и *оны* безъ различія рода; род. ед. *ѣго*, *нѣго*, *его*; *поналъ* *ее* (вин. ед. ж. р.); *отъ ты*—род. *тобя*, дат. *тобя*; *отъ себя*—дат. *себѣ*, тв. *собою*. Весь въ имен. мн. имѣетъ форму *вси*, всѣхъ родовъ; вмѣсто *тотъ* иногда ставилось *тѣй*, тв. ед. м.—ср. р. *Тымъ*: *тымъ* *былиночка* *покончилась*,—такими словами оканчивалъ *Рябининъ* каждую *былину*; род. множ. *тыхъ*: *съ тыхъ* *да горь*. Далѣе *отмѣчу*—дат. ед. ж. р. *этой*, род. мн. ж. *моихъ* (*головъ*), вин. ед. въ *свое* *горенку*, *занесъ* *свое* *руку* *правуѣ*,

2. Въ существительныхъ: *зват*. *Іане* *Богослове* *служилъ* также *именительнымъ*; имен. мн. *бояре*, *богатыре*, род. мн. *бояровъ*; род. ед. ж. р. *вышше* *голове*, *изъ коѣй орде*, *изъ тмной орде*, *хороброй* *Литве*; вин. мн. ж. р. *обирале* *кресты-маковке*, въ *палчике* *булатнѣ*, *мелки рѣченке*; им. множ. *ребушке*, *палчике* *погибалисе*; вин. множ. *отцѣй-матерей*; тв. множ. *медама* *всѣ* *стоялыма*.

3. Въ прилагательныхъ: имен. ед. м. р. всегда на *ой* и *ей*: *царь небеснай* (—небесной), *кѣевскай* *удаленькой*, *молоденькой*, *прикованой*, *дуродней*, но иногда вмѣсто *ой* встрѣчается *ые* и *ое*: *ай жа ты старые* *казаки*, *братецъ* *крестовые*, *молодой*—*старое* *казаки*; въ имен. множ. муж. женск. и средн. р. окончаніе *е* или *я*, замѣняющее *с*: *богатые*, *шелковые* (*гушки*), *могочія* (—могочіе) *люди*, *кабакія* (—кабакіе) *голы*; въ причастной формѣ им. пад. мн. ч. ср. р. на *и*: *поростущени* (*крыльица*). Род. ед. муж., сред. р. обыкновенно оканчивается на *ого*: *молодого*, *богатырьскаго*, *литовскаго*, *булатнѣго*, *соловьяго*,—если-же иногда слышалось у *Рябинина* окончаніе *аю*: *богатырь скаю*, то это можно объяснить звуковою особенностью—произношеніемъ неудараемаго *о* какъ *а*, или же книжнымъ вліяніемъ черезъ духовные стихи; сравн. слова *тысяща*, *которой*.

Род. ед. женск. р. *кленовыѣ* (*сошки*); род.-вин.-мѣстн. множ. ч. всѣхъ *родонъ* оканчивается на *ыхъ*, *ихъ* или *съ и* *вм.* *неудар.* *е*—*ыхъ*, *ихъ*, или же *ыхъ*, *ихъ*: *могучіихъ*, *столовыхъ*, *разудалыхъ*, въ *тридцатыхъ*, *перелетныхъ* *утѣнышекъ*, *симедвяныхъ*.

Дат. ед. ж. р. по *быстрой*; дат. ед. ср. р. *булатнику*; дат. мн. *дубовымъ*, по *норамъ* по *змѣинымъ*, *широкимъ*.

Вин. ед. ж. р. *шалковую*, *крекновитую*, *хороброю* (*дружинушку*); вин. ед. м. р. *молоде* *Луку* на *крутна* *берегъ*; вин. мн. ж. р. *горы* *сорочинскіе*, *золотя* *рѣчи*, *золоченыя*.

Твор. ед. ж. р., *прямоѣжчюей*, *вострой*; тв. ед. м. р. *роднымъ* *братцемъ*.

Мѣстн. ед. ж. р. *соловоей* и на *кобылки* *соловоей*.

Отъ *другой* твор. ед. муж. р. *другомъ* (*городомъ*).

4. Въ именахъ числительныхъ: твор. *трема* *городамы*. *Рябининъ* на *вопросъ*, сколько *лѣтъ*, *отвѣчалъ*: *пятьдесятъ* *безъ* *единого*.

5. Въ глаголахъ: въ 3 л. ед. ч. окончаніе *та* часто *отпадаетъ*: *поскриповаѣ*, отъ *гл.* *хочу* 2 л. ед. *хотишь* *понукиваѣ* *почиркиваѣ*, *провожа* (= *провозжааетъ*).

Форма *есть* однажды была поставлена въ значеніи *есмы*: *мы есте* *Митревичи*.

Въ *неопредѣл.* *накл.* *встрѣчаются* окончанія *ти* и *тъ*: *остовляти*, *роздѣляти*, *слушати*, *заступити*, но—*хотѣлъ* *спустеть*, *распосити*, *кресьянствовать*.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить употребленіе члена: *име-то*, во *чисто-то* *поле*.

Въ синтаксическомъ отношеніи любопытно выраженіе: *Мужикъ* *деревенщина* *везетъ* *батюшка*—*прикованой*.

Не лишне указать нѣкоторыя особенности въ удареніи: на помощь, божья помощь, мужевья, зѣтевья, дары, у мѣго, покривились соловей, въ соловья — разбойника, молодой, по сороку пудъ, въ бѣрозду, петьсотъ бы дали, къ казаку, богатыре, именѣмъ, мѣстечко, мелѣсть, по писаному, на божьихъ, говорилъ, далечѣ далечѣ.

Былины, сказанныя И. Т. Рябиннымъ, не заключаютъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, существенныхъ варіантовъ, которые бы дополняли былины, записанныя Гильфердингомъ отъ его отца; по большей части разница состоитъ въ перестановкѣ стиховъ, въ замѣнѣ однихъ словъ другими и отличіями въ звукахъ и формахъ.

Добавимъ недостающій стихъ въ былинѣ о Вольгѣ Святославовичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ (Гильфердингъ, Онежскія былины, стр. 437): «а кой лежа лежитъ, тотъ и вѣкъ не стоитъ». Слово базика въ значеніи насмѣшникъ въ былинѣ «Королевичъ изъ Крякова» сохранилось у Рябинина—сына, но безъ страннаго эпитета «новодревня»; стихъ у Гильфердинга въ той-же былинѣ: вынималъ-то свой онъ ножъ булатную (стр. 538), — съ сомнительною формою булатную — вин. едн. муж. род.—былъ сказанъ Рябиннымъ такъ: вынималъ то онъ да свой булатный ножъ; стихъ (тамъ же) — онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ, звучащей какъ-то по книжному, — такъ именно и былъ повторенъ И. Т. Рябиннымъ.

Въ музыкальномъ отношеніи былина складывалась изъ чередующихся двустихій, не всегда, впрочемъ, строго соблюдаемыхъ; первый стихъ представлялъ повышевіе, второй пониженіе; каждый изъ нихъ содержалъ въ себѣ иногда четыре (чаще въ первомъ), иногда три (чаще во второмъ стихѣ) тонической стопы:

1. Орѣтъ въ полѣ ратѣй ѿ понукиваѣ,
2. Сошка у ратая поскрипываѣ.

Н. Волковъ.

Поклоненіе дереву.

Почтенный трудъ В. Маннгардта «Der Baumcultus der Germanen und ihre Nachbarstämme. Mythologische Untersuchungen. Berlin 1875. Ss. XX+646—хотя и заключаетъ въ себѣ не мало указаній на поклоненіе дереву у Славянъ, Литовцевъ и другихъ народовъ нашего міра или нашей половины арійскаго и христіанскаго человечества, однако съ этой стороны могутъ быть сдѣланы значительныя дополненія какъ изъ произведеній усной словесности, живыхъ народныхъ преданій и обрядовъ, такъ и изъ разныхъ памятниковъ письменности. Сказанное относится не только до народовъ славянскихъ, но и всѣхъ почти настоящихъ или нѣкогда бывшихъ и уже исчезнувшихъ народовъ восточной Европы и Русской Азіи.

Въ недавно изданномъ югославянскою Академіею Наукъ въ Загребѣ XXIII-мъ томѣ драгоценнаго для науки изданія Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium (Zagrabiae 1892), посвященномъ Босніи, подъ названіемъ: «Acta Bosnae potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1752 (VI+613 стр.), помѣщено въ числѣ многихъ другихъ, доселѣ неизвѣстныхъ и болѣе или менѣе важныхъ документовъ, особенно XVI и XVII в., одно письмо 1629—30 г., писанное въ Римѣ членами коллегіи пропаганды или другими вліятельными людьми въ Римской курии однимъ неизвѣстнымъ духовнымъ лицомъ, посѣтившимъ находившіяся тогда подъ властью Турокъ Славонію и южныя части Венгріи. Жалуясь на печальное состояніе римско-католической церкви въ этихъ краяхъ, авторъ этого письма приводитъ въ доказательство разныя данныя. Такъ онъ указываетъ на отсутствіе монастырей и на недостатокъ священниковъ: въ иныхъ де приходахъ только монахи пришедшіе изъ Босны, «братья очень не любимы за свою распущенную жизнь, и потому (жители) предпочитаютъ священниковъ (тоже, прибавимъ холостыхъ, словно болѣе цѣломудренныхъ, чѣмъ монахи). Эти братья не хотѣли принять ревизоровъ (визитаторовъ) и обозвали ихъ папскими шпионами, почему эти ревизоры были схвачены и задержаны Тур-